

Исаак Бабель

Конармия

Одесские рассказы

ПОЛКА

альпина
ПРОЗА

Москва, 2025

Иллюстрация на фронтисписе: Исаак Бабель. 1930-е годы.
Российский государственный архив литературы и искусства

*Текст печатается по изданиям: Бабель И. Конармия. — М.: Наука, 2018;
Бабель И. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 1. — М.: Время, 2006.*

УДК 821.161.1-83
ББК 84(2=411.2)
Б12

Бабель И.

В12 Конармия. Одесские рассказы / Исаак Бабель. — М. : Альпина
Паблишер, 2025. — 232 с.: ил. — (Главные книги русской литературы).
ISBN 978-5-9614-8359-8

УДК 821.161.1-83
ББК 84(2=411.2)

ISBN 978-5-9614-8300-0 (серия)
ISBN 978-5-9614-8359-8

*Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая
размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ
для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца
авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке
издательства обращайтесь по адресу tylib@alpina.ru.*

© Макеенко Е., предисловие, 2023
© Ларионов Д., предисловие, 2023
© ООО «Альпина Паблишер», 2025

Конармия

Предисловие «Полки»

*Военный корреспондент Исаак Бабель
отправляется в поход вместе с армией
Буденного и, потрясенный увиденным,
находит идеальный язык для описания хаоса
Гражданской войны — пластичный, эклектичный
и наполненный животной энергией.*

Елена Макееenko

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

Кирилл Васильевич Лютов, корреспондент газеты «Красный кавалерист», участвует в польском походе 1-й Конной армии Семена Буденного и рассказывает о том, что видит и переживает. За кровавым хаосом смутного времени он пытается разглядеть будущий космос новой России, но неизменно впадает в тоску.

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

Весной — осенью 1920 года Бабель действительно участвовал в походе в качестве корреспондента газеты «Красный кавалерист». Параллельно он вел дневник и делал наброски для будущих рассказов. Часть рукописей пропала

на фронте. По замыслу писателя, в конном цикле должно было быть 50 рассказов, но с 1923 по 1937 год он написал 37.

КАК ОНА НАПИСАНА?

В форме коротких, иногда очень коротких — в два-три абзаца — рассказов и новелл, объединенных местом и временем действия, а в большинстве случаев — и рассказчиком. Стиль «Конармии» состоит из множества элементов, которые могут произвести впечатление эклектичной перенасыщенности. Но, пожалуй, именно такое смешение всего со всем соответствует состоянию мира во время революции и гражданской войны.

Бойцы 1-й Конной армии на митинге по случаю вручения им Почетного революционного Красного Знамени ВЦИК, начало 1920-х годов

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

Метафорика Ветхого Завета, холодная наблюдательность и точность французской натуральной школы, традиции классической русской прозы (повествовательная манера Чехова; проза Толстого и «Капитанская дочка» Пушкина — в поздних рассказах цикла), особый речевой строй литературы на идише, южная сочность гоголевского языка.

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Рассказы из цикла выходили в 1923–1924 годах сначала в одесской газете «Известия», а потом в московских литературных журналах «Леф» и «Красная новь». В 1926-м они были собраны в книгу. Позже Бабель дополнял и дорабатывал свой цикл, последними он написал рассказы «Арзамас» и «Поцелуй».

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

«Конармии» с самого начала сопутствовал читательский успех. Кроме Горького, Маяковского и главного редактора «Красной нови» Александра Воронского, которые высоко ценили, публиковали и всячески поддерживали Бабеля, новеллы хорошо приняли и пролетарские критики: например, один из руководителей Всероссийской ассоциации пролетарских писателей Г. Лелевич в журнале «На посту» писал, что в бабелевских рассказах имеются «все признаки огромного таланта и мастерства: изумительный лаконизм, умение немногими словами дать законченный, навсегда

врезающийся в память образ, яркая оригинальность, полное неразрывное соответствие между содержанием и формой, несравненный, красочный, сочный, выразительный народный язык...». Правда, такая оценка не помешала разгореться скандалу. Рассказами были оскорблены командиры 1-й Конной армии Буденный и Ворошилов. И хотя едва ли Буденный действительно сам читал книгу, в журнале «Октябрь» вышла заметка от его имени под заголовком «Бабизм Бабеля в “Красной нови”», где автор назван «дегенератом от литературы», а его тексты — клеветой и безответственными небылицами. Главным защитником Бабеля стал Горький, вступивший в публичную полемику с Буденным. Он утверждал, что рассказы возбуждают любовь и уважение к бойцам 1-й Конной, показывают их героями, которые «глубоко чувствуют величие своей борьбы». Горький также сравнил конармейцев Бабеля с запорожцами Гоголя и предложил товарищу Буденному «не судить о литературе с высоты своего коня». Скандал сошел на нет, но разгорелся снова в 1928 году, после выхода книги. Впрочем, к тому моменту Бабель уже стал литературной знаменитостью — и успеху «Конармии» ничто не помешало.

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

Бабель постоянно дорабатывал «Конармию», книга выдержала несколько переизданий — последнее прижизненное издание вышло в 1933 году, хотя поздние рассказы цикла были написаны в 1937-м. В 1939 году Бабеля арестовали, в 1940-м — расстреляли по ложному обвинению в шпионаже. Его тексты оказались под запретом. После

Виктор Дени. Плакат «Ясновельможная Польша — последняя собака Антанты». 1920 год

реабилитации в 1954-м переиздания возобновились, тексты писателя начали активно изучать литературоведы. «Конармия» была переведена на 20 языков. Бабель написал около 80 рассказов, несколько пьес, киносценариев, циклы статей, но «Конармия» и «Одесские рассказы», над которыми он работал одновременно, стали его главным литературным наследием.

ПОЧЕМУ РАССКАЗЫ «КОНАРМИИ» ТАКИЕ РАЗНЫЕ И ЧТО ДЕЛАЕТ ЦИКЛ ЦЕЛЬНЫМ ПРОИЗВЕДИЕМ?

Формально рассказы цикла объединяют время и место действия, рассказчик — альтер эго автора Лютов — и единая авторская оптика. Лютов наблюдает за событиями,

участником которых становится, записывает разговоры и байки конармейцев, создавая на их основе короткие «портретно-биографические очерки», иногда приводит их письма («Письмо», «Соль», «Солнце Италии»). Знакомится и наблюдает за жизнью местного еврейского и польского населения. Редко — сам оказывается главным или одним из главных действующих лиц («Мой первый гусь», «Смерть Долгушова», «Поцелуй»). Некоторые тексты представляют собой бессюжетные художественные медитации, и здесь скорее звучит голос автора, чем рассказчика (например, «Путь в Броды», «Учение о тачанке»). В текстах с чужими голосами Бабель использует разные формы сказа, копируя эпистолярный стиль жителей казачьих станиц или говор местечковых евреев; в новеллах — короткие, емкие, динамичные фразы; в медитациях — размеренный ветхозаветный ритм. Можно проследить и другие звучащие сквозь весь цикл, сплетающиеся линии: армейскую/революционную и традиционные украинскую, еврейскую, польскую, со своими характерами и ритмикой. Рассказы «Конармии» очень по-разному написаны, но эта эклектичность повествования — способ описать хаос, собрать части расколовшегося мира. То есть именно пестрая мозаика цикла и есть та цельная картина, которую рисует Бабель.

ПОЧЕМУ В «КОНАРМИИ» НЕ ТАК УЖ МНОГО СОБСТВЕННО ВОЙНЫ, ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ?

Весной 1920 года, во время так называемой Советско-польской войны, 1-ю Конную армию перебрасывают с Кавказа на юго-западный фронт, где она

вступает в сражения с польскими войсками за Житомир и Бердичев, ведет бои под Львовом. В польском походе Бабель присоединяется к Конармии в качестве корреспондента: его командируют в штаб, чтобы он писал для газеты «Красный кавалерист» тексты, поднимающие боевой дух. Для этой задачи Бабель не был обязан участвовать в сражениях и находиться на передовой. Хотя он пытался провести некоторое время в боевой дивизии (об этом рассказ «Аргамак»), он был неумелым наездником, не мог выстрелить в человека, не говоря уже о том, чтобы рубить шашкой, — для бойцов он был скорее помехой, поэтому ему не мешали оставаться в стороне от основных событий. При этом поход, в котором писатель присоединился к Конармии, не был его первым военным опытом: он отслужил несколько месяцев рядовым на румынском фронте Первой мировой в 1917 году, откуда дезертировал. После этого Бабель написал цикл из четырех рассказов «На поле чести», в котором объединил мемуары французских солдат из книги «Герои и истории великой войны» Гастона Видаля и собственные впечатления. В «Конармии» Бабель писал о феномене войны с другого угла — скорее как о перевернутом мире, в котором старые понятия уже не работают, а новые еще не сложились. И этот мир он наблюдал в основном во время остановок и переходов.

КАКУЮ РОЛЬ В «КОНАРМИИ» ВЫПОЛНЯЮТ ЕВРЕЙСКИЕ РАССКАЗЫ: «ГЕДАЛИ», «РАББИ», «КЛАДБИЩЕ В КОЗИНЕ» И ДРУГИЕ?

В «Конармии» жизнь евреев в черте оседлости*¹ служит образом старого мира, где еще бытуют традиции, сохраняется понятие священного. Этот мир, хорошо знакомый и близкий Бабелю, рушится у него на глазах, страдает от грабежей и погромов: иудейские святыни оскверняются, стариков убивают, чтить традиции или хотя бы сохранять человеческое достоинство становится практически невозможным, а молодежь зачастую отрекается от традиционного уклада, надеясь, что революция принесет им улучшения. Жизнь в еврейских поселениях — «ветхозаветная» составляющая «Конармии», «новым заветом» выступает революция, логика войны за будущее против прошлого. Бабель и его герой Лютов разрываются между прошлым и будущим, видят неизбежную гибель старого и несовершенство нового, отчасти принадлежат тому и другому, а в итоге оказываются всем чужими. Ключевое противоречие, с которым сталкивается в польском походе Бабель, проговаривает старый еврей Гедали, мечтающий об «интернационале хороших людей»: «Революция — это хорошее дело хороших людей. Но хорошие люди не убивают. Значит, революцию делают злые люди».

*¹ Граница территории, за которой разрешалось селиться евреям, исповедующим иудаизм. Черта оседлости введена указом Екатерины II в 1791 году и отменена Временным правительством после Февральской революции. За пределами черты проживание евреев воспрещалось, но запрет не распространялся на купцов I и II гильдий, выпускников вузов и ученых со степенью доктора или магистра, мастеровых и ремесленников и на некоторые другие категории населения.

В ЧЕМ ОСОБЕННОСТИ БАБЕЛЕВСКОГО СТИЛЯ И КАК ОН ПРОЯВЛЯЕТСЯ В «КОНАРМИИ»?

Стиль Бабеля до сих пор не до конца исследован, хотя литературоведы уже многое поняли о его устройстве. Например, одно из главных его свойств в том, что он строится на сближении противоположностей или несопоставимых элементов, играет с антитезами и контрастами. Контрастными парами могут быть страшное и смешное, высокое и низкое, красивое и отвратительное, неожиданно переходящие одно в другое: «Молодой парень с лыняным височным волосом и прекрасным рязанским лицом подошел к моему сундучку и выбросил его за ворота. Потом он повернулся ко мне задом и с особенной сноровкой стал издавать постыдные звуки». Эффект тем сильнее, чем лаконичнее фраза, внутри которой, по выражению Михаила Вайскопфа, «плюс и минус сгущаются»: например, «успокоительный аккомпанемент их бесвязного и отчаянного гула», «сырая плесень развалин цвела, как мрамор оперной скамьи». Еще один прием, усиливающий впечатление от контрастов, — ровная «регистрирующая» интонация повествователя, его эмоциональное отчуждение от того, о чем идет речь. Как метко выразился Виктор Шкловский, «смысл приема Бабеля состоит в том, что он одним голосом говорит и о звездах, и о триппере»¹.

Другое базовое свойство бабелевского письма — рваное, импульсивное повествование и фрагментарность сюжета. Литературовед Николай Степанов еще в 1928 году писал о том, что фабула разворачивается у Бабеля не по событийной

канве, а по «скрытым “внутри” рассказа ассоциациям». Нарратолог Вольф Шмид также утверждал, что контрасты и аналогии для Бабеля важнее, чем причинно-следственные связи². Даже в набросках к рассказам Бабель часто указывал сам себе: «без сюжета» или «не соблюдать непрерывности». В результате текст, который мы читаем, прежде всего представляет не историю, а сгусток ярких образов и ассоциаций, через которые история прочитывается, несмотря на множество пробелов и неясностей. «Сюжет [“Конармии”] пропадает из виду, как Афонька в тылу врага», — пишет Вайскопф³.

Сюжетные пробелы заполнены красками, звуками, запахами. Бабель был экспрессионистом от природы — все его чувства были обострены, он имел привычку жадно вдыхать запахи и долго ощупывать предметы, старался получить все возможные сильные впечатления (отсюда убежденность историков в том, что он ходил смотреть на расстрелы, хотя подтверждают этот факт только слухи, циркулировавшие среди бабелевского окружения). Здесь же можно отметить недооформленность, недовоплощенность предметов и персонажей, которую Бабель постоянно использует, удовлетворяясь каким-нибудь выражением вроде «мясистое омерзительное лицо» или «огромное бесформенное существо» (об обилии мясных и кровавых метафор в описании людей пишет Михаил Вайскопф в своей книге «Между огненных стен», посвященной структурам мышления писателя). Зато ему нет равных в описании ощущений и состояний. Как писал Фазиль Искандер, Бабель сумел сконцентрировать «невиданное до него многообразие человеческого состояния на единицу литературной площади»⁴.

Иссахар-Бер Рыбак. Из серии «Погромы». 1918 год

КАК СООТНОСЯТСЯ БАБЕЛЬ И ЛЮТОВ? МОЖНО ЛИ ПРИРАВНИВАТЬ ЛЮТОВА К ЛИЧНОСТИ АВТОРА?

Здесь нужно иметь в виду две ситуации: реальную и литературную. В реальности Бабель получил документы на имя Кирилла Васильевича Лютова (национальность — русский), отправляясь в Конармию. Во-первых, это имя защищало его в обществе конармейцев: бойцы недолюбливали его за очки, пацифизм и образованность, но редко догадывались, что он еще и еврей. Во-вторых, под именем Лютова он писал в газету, а под своим настоящим именем публиковал рассказы; две эти субличности, можно сказать, имели разные политические

взгляды. В книге Лютов — имя рассказчика, который принимает участие в событиях и позволяет автору дистанцироваться от происходящего. Благодаря двум точкам зрения снимается окончательность, правильность любой из них, хотя Бабель и так стремится к безоценочности: есть точка зрения участника событий и авторская, данная в образах и подтексте, они не обязательно совпадают.

НАСКОЛЬКО ИСТОРИЧЕСКИ ДОСТОВЕРНА «КОНАРМИЯ»?

«Конармия» основана на реальных событиях, участником которых был Бабель, но не претендует на историческую

объективность. В ней много фактических неточностей: сдвиги во времени, «примерная» география — Бабель писал о событиях по памяти, с большой долей условности. Кроме этого, одни персонажи встречаются в его дневниках, а другие нет, — скорее всего, это вымышленные или собирательные образы. Как документ более точен «Конармейский дневник» Бабеля, который тоже частично сохранился и был опубликован после смерти писателя. В «Конармии» Бабель пытался разобраться, что перед ним за люди и какое они несут будущее, его интересовала их психология, «внутреннее устройство», и собственный опыт переживания войны. Сам поход в этом случае скорее среда для наблюдения.

КАКИМИ БАБЕЛЬ УВИДЕЛ КОНАРМЕЙЦЕВ И ПОЧЕМУ ЕГО ОТНОШЕНИЕ К НИМ ТАК ПО-РАЗНОМУ ВОСПРИНЯЛИ СОВРЕМЕННОКИ?

О том, как менялось отношение Бабеля к конармейцам, можно судить по его дневнику. Поначалу он пытался найти в них черты нового, духовно возродившегося народа, но постепенно разочаровался, назвал бойцов «зверьем с принципами» и наградил их целым облаком нелестных ассоциаций: «барахольство, удалство, звериная жестокость, бархатные фуражки, изнасилования, чубы, бои, революция и сифилис». Казаки, присоединившиеся к Буденному, отличались особой жестокостью,

Конный корпус Буденного под Воронежем. Октябрь 1919 года

а кроме того, должны были сами добывать себе лошадей, оружие и пропитание. Попадая в мирные поселения, они грабили, жгли дома и убивали любого, кто пытался оказать им сопротивление. При этом конармейцы у Бабеля — одновременно разбойники и герои, не лишенные своеобразных представлений о чести, которые отчасти компенсируют беспричинную жестокость. Михаил Вайскопф даже утверждает, что «под давлением цензуры и самоцензуры он неизменно облагородил конармейцев»⁵.

Лучшей иллюстрацией к тому, кто такой бабелевский персонаж, служит рассказ «Соль», написанный в форме письма конармейца в газету («Дорогой товарищ редактор. Хочу описать вам за неосознанность женщин, которые нам вредные»). Он рассказывает о том, как бойцы пускают в поезд женщину с грудным ребенком и относятся к ней с непривычным уважением, как к собирательной фигуре матери, которая есть у каждого большевика. Однако выясняется, что женщина везет не ребенка, а контрабанду — мешок соли. Раскрыв обман, бойцы сбрасывают женщину с поезда и убивают из винтовки. Главный принцип конармейцев — революционная справедливость, понимаемая, конечно, по-своему. Все, что несет пользу революции, заслуживает жизни, но за пределами этой полезности человеческая личность и жизнь, в том числе и их собственная, ничего не стоит. Другая яркая иллюстрация представлений конармейцев о ценности человеческой жизни — «Письмо», в котором мальчик вперемешку с бытовыми подробностями и беспокойством о чесотке у коня рассказывает об убийстве своего отца-белогвардейца («...и Семен Тимофеич ушлал

меня со двора, так что я не могу, любезная мама Евдокия Федоровна, описать вам за то, как кончали папашу, потому я был усланный со двора. <...> Остаюсь ваш любезный сын Василий Тимофеич Курдюков. Мамка, доглядайте до Степки, и Бог вас не оставит»). Еще один важный рассказ — «Смерть Долгушова», в котором Лютов не решается добить смертельно раненного бойца, хотя это необходимо, чтобы не оставить его на растерзание полякам: «Афонька... выстрелил Долгушова в рот. — Афоня, — сказал я с жалкой улыбкой и подъехал к казаку, — а я вот не смог. — Уйди, — ответил он, бледнея, — убью! Жалеете вы, очкастые, нашего брата, как кошка мышку...» Здесь Бабель явно противопоставляет гуманизм своего альтер эго конармейцам так, что становится ясно: разрушение системы ценностей, которое несет революция, требует более глубокого анализа; ценности больше не универсальны — принципы оказываются важнее. «Экономическая справедливость» конармейцев отражена в рассказах о том, как они добывают себе коней: «На деревне стон стоит. Конница травит хлеб и меняет лошадей. Взамен приставших кляч кавалеристы забирают рабочую скотину. Бранить тут некого. Без лошади нет армии» («Начальник конзавпаса»). В рассказе «История одной лошади» заодно можно увидеть и то, как бойцы понимают коммунизм: «Коммунистическая партия... основана, полагаю, для радости и твердой правды без предела». Их представления о чести по-своему отражены в рассказе «Прищеп», в котором бежавший от белых боец вырезает всю деревню за то, что разграбили имущество в его доме, а потом сжигает и дом.

ЧТО ОСКОРБИЛО БУДЕННОГО И ВОРОШИЛОВА В «КОНАРМИИ»?

В газете «Красный кавалерист» Бабель публиковал пропагандистские тексты, воспевая подвиги конармейцев и призывая их уничтожить врага. В дневнике, а потом и в «Конармии» он фиксировал свои личные впечатления и рассуждения, которые сильно расходились с официальными. К счастью для писателя, военное руководство не видело, что он писал о Конармии в своем дневнике. Впрочем, Буденный и Ворошилов прекрасно знали, что конармейцы имеют репутацию бандитов, да и первые рассказы Бабеля появились в печати задолго до скандала. Однако именно в этот момент, в 1924 году, возникла более серьезная, внелитературная причина для нападок военачальников на Бабеля. В верхах власти разворачивалась борьба между Сталиным, Троцким и их окружением. Конная армия была одним из аргументов за Сталина и против Троцкого: последний, все еще фактически контролировавший военные силы страны, недолюбливал конницу как неблагонадежную. Поэтому в лагере Ворошилова была спланирована многоходовая акция, которая должна была начаться с травли Бабеля и близкого к Троцкому редактора

Воронского, а в итоге стать кампанией по популяризации Конармии. За реакцию Буденного, который вряд ли читал рассказы и тем более сам мог написать статью в «Октябрь», отвечал надежный человек Ворошилова — Сергей Орловский, впоследствии возглавивший литературно-художественную секцию землячества^{*1} Конармии. «Замысел был следующий, — пишет исследователь Юрий Парсамов, — статья Буденного в “Октябре” должна была открывать полемику. Вслед за ней в редакцию “Правды” и Политбюро должны были поступать письма и статьи от “возмущенных” конармейцев. Кульминацией же всего этого должен был стать погромный доклад Ворошилова в ЦК». В ноябре 1924 года действительно началась антибабелевская кампания в прессе и Политбюро, но в 1925 году Троцкий покинул пост наркомвоенмора^{*2}, и литературная дискуссия потеряла политический смысл. Осенью 1928 года дискуссия возобновилась в газете «Правда», где Буденный вспомнил старые обиды на Горького (тот высмеял литературные суждения командарма перед молодыми писателями), но на этот раз Сталина ссора не заинтересовала. Скандал неловко затих, породив целую серию анекдотов о Буденном и Бабеле, а Бабель временно получил возможность спокойно работать.

^{*1} Объединение солдат и офицеров, служащих в одной части. В более широком смысле — объединение земляков, живущих в другой области или стране.

^{*2} Народный комиссар по военным и морским делам. Глава центрального органа управления, руководившего Вооруженными силами СССР. Орган существовал с 1923 по 1934 год, упразднен в связи с образованием Народного комиссариата обороны СССР.

В КАКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ
КОНТЕКСТЕ ЧИТАЛИ
«КОНАРМИЮ»?
ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ
ОПИСАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ В КНИГЕ ВЫГЛЯДЕЛО
ШОКИРУЮЩЕ ДЛЯ СВОЕГО
ВРЕМЕНИ?

Литература довольно быстро отреагировала на события Гражданской войны — к середине 1920-х кроме «Конармии» были написаны уже самые разные произведения: «Железный поток» Александра Серафимовича, «Падение Даира» Александра Малышкина, «Белая гвардия» Михаила Булгакова, «Донские рассказы» Михаила Шолохова, «Бронепоезд 14–69» Всеволода Иванова. В советском литературоведении существовал миф, что в это время уже повсюду формировался соцреализм — основа будущей советской официальной литературы. Но на самом деле литература 1920-х годов была еще далека от той структурированности и идейного единства, к которым ей пришлось прийти за следующие десять лет. Когда в журналах выходили новеллы из «Конармии», единственным, что объединяло писателей разных взглядов, было ощущение хаоса, противоречивости и неопределенности окружающего мира, а вместе с ним — потерянности, романтического одиночества попавшего в этот вихрь человека. Недаром основной — а вовсе не исключительной — литературной стратегией стал экспрессионизм, который мог передать это ощущение. Даже читая тексты, написанные скорее в реалистическом ключе, нельзя не заметить, насколько смелыми образами пользовались современники Бабеля,

как тяготели к ритмизации и увлекались поэмами в прозе. Вот почему «Конармия», хоть и была выдающимся произведением, вряд ли могла произвести на читателя шокирующее впечатление. Скорее она воспринималась как один из пиков современного, весьма разнообразного и скоротечного, но все-таки мейнстрима. Что касается идеологии, то и здесь скандал, связанный с публикацией рассказов, был обусловлен только конкретным политическим моментом. Тот же Лелевич, благосклонно отзывавшийся о «Конармии», не преминул написать, что Бабеля еще рано называть «пролетарским писателем», однако в целом для 1924–1926 годов никакого радикального жеста писатель не совершил.

ЧТО ТАКОЕ «ЮЖНАЯ ШКОЛА»,
К КОТОРОЙ
ПРИЧИСЛЯЮТ БАБЕЛЯ
ИСТОРИКИ ЛИТЕРАТУРЫ?

Южная, она же южнорусская, она же юго-западная, она же одесская литературная школа — историко-литературный конструкт, который до сих пор вызывает споры. О том, что такая школа фактически существует, заявил Виктор Шкловский, чья статья «Юго-Запад» в «Литературной газете» в 1933 году дала старт скандальной дискуссии о формализме, хотя была написана с совсем другой целью. В статье Шкловский писал, что в современной литературе имеет смысл выделить группу писателей, чья поэтика определяется их географическим происхождением: это одесситы Валентин Катаев, Юрий Олеша, Илья Ильф и Евгений Петров, Лев Славин,

Эдуард Багрицкий, Исаак Бабель и другие. Шкловский предложил романтическую концепцию юго-западного литературного направления: он сравнил одесских писателей с александрийцами^{*1}, подчеркивая их ориентацию на европейскую традицию и сюжетность плутовского романа, за что был раскритикован на Первом съезде советских писателей и был вынужден публично от статьи отказаться. Однако и вне идеологических установок писательского съезда концепция Шкловского оказалась искусственной. Часть из названных авторов в 1920–1922 годах действительно состояла в одном одесском литературном кружке — «Коллективе поэтов», но он распался как раз из-за того, что большинство участников уехали в Москву и Харьков. Общей поэтики у них тоже не было, а плутовской роман и вовсе был редким жанром. Когда в 1960-е годы тексты Бабеля снова вернулись к читателю, одесский колорит в литературе, и в частности «одесский язык» (то есть русская калька с идиша, на которой говорила часть местного еврейского населения), считался его изобретением, но и это было ошибкой. В том числе благодаря Шкловскому одесситы

1920-х годов были оторваны в литературоведении от своих старших коллег, писавших в Одессе до революции: Юшкевича, Дорошевича, Жаботинского; кроме того, на молодых литераторов сильно повлияли оказавшиеся в Одессе в 1919–1920 годах Волошин, будущие эмигранты Бунин, Алданов и другие. Вадим Ярмолинец, анализирующий эту историю в статье «Одесский узел Шкловского»⁶, предполагает, что южная литературная школа гипотетически может быть выделена, если расширить ее исторические рамки от конца XIX века и вплоть до 90-х годов века XX, но и при таком обширном контексте для выделения собственно школы потребуются критерии и методология, которых на сегодняшний день нет. Словом, южная школа — историко-литературный фантом, который может помочь разве что запомнить, кто из писателей двадцатых годов приехал в Москву из Одессы. И все-таки идея выделить южное направление русской литературы и противопоставить его северному до сих пор привлекает некоторых историков литературы, поэтому и термин продолжает бытовать, в том числе в связи с Бабелем.

^{*1} Грекоязычные поэты египетской Александрии. Расцвет александрийской поэзии пришелся на первую половину III века до нашей эры. Ее характерные черты — интерес к частной жизни человека, его переживаниям, чувственное восприятие природы, стремление к изысканности. Самые известные представители школы — Каллимах и Феокрит.

Переход через Збруч

Начдив шесть донес о том, что Новоград-Волынский взят сегодня на рассвете. Штаб выступил из Крапивно, и наш обоз шумливым арьергардом растянулся по шоссе, идущему от Бреста до Варшавы и построенному на мужичьих костях Николаем Первым.

Поля пурпурного мака цветут вокруг нас, полуденный ветер играет в желтеющей ржи, девственная гречиха встает на горизонте, как стена дальнего монастыря. Тихая Волынь изгибается, Волынь уходит от нас в жемчужный туман березовых рощ, она вползает в цветистые пригорки и ослабевшими руками путается в зарослях хмеля. Оранжевое солнце катится по небу, как отрубленная голова, нежный свет загорается в ущельях туч, и штандарты заката веют над нашими головами. Запах вчерашней крови и убитых лошадей каплет в вечернюю прохладу. Почерневший Збруч шумит и закручивает пенистые узлы своих порогов. Мосты разрушены, и мы переезжаем реку вброд. Величавая луна лежит на волнах. Лошади по спине уходят в воду, звучные потоки сочатся между сотнями лошадиных ног. Кто-то тонет и звонко порочит богородицу. Река усеяна черными квадратами телег, она полна гула, свиста и песен, гремющих поверх лунных змей и сияющих ям.

Поздней ночью приезжаем мы в Новоград. Я нахожу беременную женщину на отведенной мне квартире и двух рыжих евреев с тонкими шеями; третий спит уже, укрывшись с головой и припав к стене. Я нахожу развороченные шкафы в отведенной мне комнате, обрывки женских шуб на полу, человеческий кал и черепки сокровенной посуды, употребляющейся у евреев раз в году — на Пасху.

— Уберите, — говорю я женщине. — Как вы грязно живете, хозяйева...

Два еврея снимаются с места. Они прыгают на войлочных подошвах и убирают обломки с полу, они прыгают в безмолвии, по-обезьяньи, как японцы в цирке, их шеи пухнут и вертятся. Они кладут на пол распоротую перину, и я ложусь к стенке, рядом с третьим, заснувшим евреем. Пугливая нищета смыкается над моим ложем.

Все убито тишиной, и только луна, обхватив синими руками свою круглую, блещущую, беспечную голову, бродяжит под окном.

Я разминаю затекшие ноги, я лежу на распоротой перине и засыпаю. Начдив шесть снится мне. Он гонится на тяжелом жеребце за комбригом и всаживает ему две пули в глаза. Пули пробивают голову комбрига, и оба глаза его падают наземь.

— Зачем ты поворотил бригаду? — кричит раненому Савицкий, начдив шесть, — и тут я просыпаюсь, потому что беременная женщина шарит пальцами по моему лицу.

— Пане, — говорит она мне, — вы кричите со сна и вы бросаетесь. Я постелю вам в другом углу, потому что вы толкаете моего папашу...

Она поднимает с полу худые ноги и круглый живот и снимает одеяло с заснувшего человека. Мертвый старик лежит там, закинувшись навзничь. Глотка его вырвана, лицо разрублено пополам, синяя кровь лежит в его бороде, как кусок свинца.

— Пане, — говорит еврейка и встряхивает перину, — поляки резали его, и он молился им: убейте меня на черном дворе, чтобы моя дочь не видела, как я умру. Но они сделали так, как им было удобнее, — он кончался в этой комнате и думал обо мне. И теперь я хочу знать, — сказала вдруг женщина с ужасной силой, — я хочу знать, где еще на всей земле вы найдете такого отца, как мой отец...

*Новоград-Волынский,
июль 1920*

Костел в Новограде

Я отправился вчера с докладом к военному, остановившемуся в доме бежавшего ксендза. На кухне встретила меня пани Элиза, экономка иезуита. Она дала мне янтарного чаю с бисквитами. Бисквиты ее пахли, как распятие. Лукавый сок был заключен в них и благовонная ярость Ватикана.

Рядом с домом в костеле ревели колокола, заведенные обезумевшим звонарем. Был вечер, полный июльских звезд. Пани

Элиза, тряся внимательными сединами, подсыпала мне печенья, и я наслаждался пищей иезуитов.

Старая полька называла меня паном, у порога стояли навывтяжку серые старики с окостеневшими ушами, и где-то в змеином сумраке извивалась сутана монаха. Патер бежал, но он оставил помощника — пана Ромуальда.

Гнусавый скопец с телом исполина, Ромуальд величал нас товарищами. Желтым пальцем водил он по карте, указывая круги польского разгрома. Охваченный хриплым восторгом, пересчитывал он раны своей родины. Пусть кроткое забвение поглотит память о Ромуальде, предавшем нас без сожаления и расстрелянном мимоходом. Но в тот вечер его узкая сутана шевелилась у всех портьер, яростно мела все дороги и усмехалась всем, кто хотел пить водку. В тот вечер тень монаха кралась за мной неотступно. Он стал бы епископом — пан Ромуальд, — если бы он не был шпионом.

Я пил с ним ром, дыхание невиданного уклада мерцало под развалинами дома ксендза, и вкрадчивые его соблазны обессилили меня. О распятия, крохотные, как талисманы куртизанки, пергамент папских булл и атлас женских писем, истлевших в синем шелку жилетов!..

Я вижу тебя отсюда, неверный монах в лиловой рясе, припухлость твоих рук, твою душу, нежную и безжалостную, как душа кошки, я вижу раны твоего бога, сочащиеся семенем, благоуханным ядом, опьяняющим девственниц.

Мы пили ром, дожидаясь военкома, но он все не возвращался из штаба. Ромуальд упал в углу и заснул. Он спит и трепещет, а за окном в саду под черной страстью неба переливается аллея. Жаждающие розы колышутся во тьме. Зеленые молнии пылают в куполах. Раздетый труп валяется под откосом. И лунный блеск струится по мертвым ногам, торчащим врозь.

Вот Польша, вот надменная скорбь Речи Посполитой! Насильственный пришелец, я раскидываю вшивый тюфяк в храме, оставленном священнослужителем, подкладываю под голову флианты, в которых напечатана осанна ясновельможному и пресветлому Начальнику Панства Иозефу Пильсудскому.

Нищие орды катятся на твои древние города, о Польша, песнь об единении всех холопов гремит над ними, и горе тебе. Речь

Посполитая, горе тебе, князь Радзивилл, и тебе, князь Сапега, вставшие на час!..

Все нет моего военкома. Я ищу его в штабе, в саду, в костеле. Ворота костела раскрыты, я вхожу, и мне навстречу два серебряных черепа разгораются на крышке сломанного гроба. В испуге я бросаюсь вниз, в подземелье. Дубовая лестница ведет оттуда к алтарю. И я вижу множество огней, бегущих в высоту у самого купола. Я вижу военкома, начальника особого отдела и казаков со свечами в руках. Они отзываются на слабый мой крик и выводят меня из подвала.

Череп, оказавшийся резьбой церковного катафалка, не пугают меня больше, и все вместе мы продолжаем обыск, потому что это был обыск, начатый после того как в квартире ксендза нашли груды военного обмундирования.

Сверкая расшитыми конскими мордами наших обшлагов, перешептываясь и гремя шпорами, мы кружимся по гулкому зданию с оплывающим воском в руках. Богоматери, униженные драгоценными камнями, следят наш путь розовыми, как у мышей, зрачками, пламя бьется в наших пальцах, и квадратные тени корчатся на статуях святого Петра, святого Франциска, святого Винцента, на их румяных щечках и курчавых бородах, раскрашенных кармином.

Мы кружимся и ищем. Под нашими пальцами прыгают костяные кнопки, раздвигаются разрезанные пополам иконы, открывая подземелья в зацветающие плесенью пещеры. Храм этот древен и полон тайны. Он скрывает в своих глянцевиных стенах потайные ходы, ниши и створки, распаивающиеся бесшумно.

О, глупый ксендз, развесивший на гвоздях Спасителя лифчики своих прихожанок! За царскими воротами мы нашли чемодан с золотыми монетами, сафьяновый мешок с кредитками и футляры парижских ювелиров с изумрудными перстнями.

А потом мы считали деньги в комнате военкома. Столбы золота, ковры из денег, порывистый ветер, дующий на пламя свечей, воронье безумье в глазах пани Элизы, громовый хохот Ромуальда и нескончаемый рев колоколов, заведенных паном Робацким, обезумевшим звонарем.

«Прочь, — сказал я себе, — прочь от этих подмигивающих мадонн, обманутых солдатами...»

Письмо

Вот письмо на родину, продиктованное мне мальчиком нашей экспедиции Курдюковым. Оно не заслуживает забвения. Я переписал его, не приукрашивая, и передаю дословно, в согласии с истиной.

«Любезная мама Евдокия Федоровна. В первых строках сего письма спешу вас уведомить, что, благодаря Господа, я есть жив и здоров, чего желаю от вас слышать то же самое. А также нижаяще вам кланяюсь от бела лица до сырой земли... (следует перечисление родственников, крестных, кумовьев. Опустим это. Перейдем ко второму абзацу).

Любезная мама Евдокия Федоровна Курдюкова. Спешу вам писать, что я нахожусь в красной Конной армии товарища Буденного, а также тут находится ваш кум Никон Васильич, который есть в настоящее время красный герой. Они взяли меня к себе, в экспедицию Политотдела, где мы развозим на позиции литературу и газеты — Московские Известия ЦИК, Московская Правда и родную беспощадную газету Красный Кавалерист, которую всякий боец на передовой позиции желает прочитать, и опосля этого он с геройским духом рубает подлую шляхту, и я живу при Никон Васильиче очень великолепно.

Любезная мама Евдокия Федоровна. Пришлите чего можете от вашей силы-возможности. Просю вас заколоть рябого кабаничка и сделать мне посылку в Политотдел товарища Буденного, получить Василию Курдюкову. Каждные сутки я ложусь отдыхать не евши и безо всякой одежды, так что дюже холодно. Напишите мне письмо за моего Степу, живой он или нет, просю вас, досматривайте до него и напишите мне за него — засекается он еще или перестал, а также насчет чесотки в передних ногах, подковали его или нет? Просю вас, любезная мама Евдокия Федоровна, обмывайте ему беспременно передние ноги с мылом, которое я оставил за образами, а если папаша мыло истребили, так купите в Краснодаре, и Бог вас не оставит. Могу вам описать также, что здесь страна совсем бедная, мужики со своими конями хоронятся от наших красных орлов по лесам, пшеницы видать

мало и она ужасно мелкая, мы с нее смеемся. Хозяева сеют рожь и то же самое овес. На палках здесь растет хмель, так что выходит очень аккуратно; из него гонют самогон.

Во вторых строках сего письма спешу вам описать за папашу, что они порубали брата Федора Тимофеича Курдюкова тому назад с год времени. Наша красная бригада товарища Павличенки наступала на город Ростов, когда в наших рядах произошла измена. А папаша были в тое время у Деникина за командира роты. Которые люди их видали, — то говорили, что они носили на себе медали, как при старом режиме. И по случаю той измены, всех нас побрали в плен и брат Федор Тимофеич попались папаше на глаза. И папаша начали Федю резать, говоря — шкура, красная собака, сукин сын и разное, и резали до темноты, пока брат Федор Тимофеич не кончился. Я написал тогда до вас письмо, как ваш Федя лежит без креста. Но папаша пымали меня с письмом и говорили: вы материны дети, вы ейный корень, потаскухин, я вашу матку брюхатил и буду брюхатить, моя жизнь погибшая, изведу я за правду свое семя, и еще разное. Я принимал от них страдания как спаситель Иисус Христос. Только вскорости я от папашы убежал и прибилсь до своей части товарища Павличенки. И наша бригада получила приказание идти в город Воронеж пополняться, и мы получили там пополнение, а также коней, сумки, наганы и все, что до нас принадлежало. За Воронеж могу вам описать, любезная мама Евдокия Федоровна, что это городок очень великолепный, будет поболее Краснодара, люди в нем очень красивые, речка способная до купанья. Давали нам хлеба по два фунта в день, мяса полфунта и сахару подходяще, так что вставши пили сладкий чай, то же самое вечерали и про голод забыли, а в обед я ходил к брату Семену Тимофеичу за блинами или гусятиной и опосля этого лягал отдыхать. В тое время Семен Тимофеича за его отчаянность весь полк желал иметь за командира и от товарища Буденного вышло такое приказание, и он получил двух коней, справную одежду, телегу для барахла отдельно и орден Красного Знамени, а я при нем считался братом. Таперича какой сосед вас начнет забижать — то Семен Тимофеич может его вполне зарезать. Потом мы начали гнать генерала Деникина, порезали их тыщи и загнали

в Черное море, но только папаши нигде не было видеть, и Семен Тимофеич их разыскивали по всех позициях, потому что они очень скучали за братом Федей. Но только, любезная мама, как вы знаете за папашу и за его упорный характер, так он что сделал — нахально покрасил себе бороду с рыжей на вороную и находился в городе Майкопе, в вольной одеже, так что никто из жителей не знали, что он есть самый что ни на есть стражник при старом режиме. Но только правда — она себе окажет, кум ваш Никон Васильич случаем увидал его в хате у жителя и написал до Семен Тимофеича письмо. Мы посидали на коней и пробегли двести верст — я, брат Сенька и желающие ребята из станицы.

И что же мы увидали в городе Майкопе? Мы увидали, что тыл никак не сочувствует фронту и в ем повсюду измена и полно жидов, как при старом режиме. И Семен Тимофеич в городе Майкопе с жидами здорово спорился, которые не выпускали от себя папашу и засадили его в тюрьму под замок, говоря — пришел приказ не рубать пленных, мы сами его будем судить, не сердчайте, он свое получит. Но только Семен Тимофеич свое взял и доказал, что он есть командир полка и имеет от товарища Буденного все ордена Красного Знамени, и грозился всех порубать, которые спорятся за папашину личность и не выдают ее, а также грозились ребята со станицы. Но только Семен Тимофеич папашу получили, и они стали папашу плетить и выстроили во дворе всех бойцов, как принадлежит к военному порядку. И тогда Сенька плеснул папаше Тимофей Родионычу воды на бороду, и с бороды потекла краска. И Сенька спросил Тимофей Родионыча:

— Хорошо вам, папаша, в моих руках?

— Нет, — сказали папаша, — худо мне.

Тогда Сенька спросил:

— А Феде, когда вы его резали, хорошо было в ваших руках?

— Нет, — сказали папаша, — худо было Феде.

Тогда Сенька спросил:

— А думали вы, папаша, что и вам худо будет?

— Нет, — сказал папаша, — не думал я, что мне худо будет.

Тогда Сенька поворотился к народу и сказал:

— А я так думаю, что если попадусь я к вашим, то не будет мне пощады. А теперь, папаша, мы будем вас кончать...

И Тимофей Родионыч зачал нахально ругать Сеньку по матушке и в Богородицу и бить Сеньку по морде, и Семен Тимофеич услали меня со двора, так что я не могу, любезная мама Евдокия Федоровна, описать вам за то, как кончали папашу, потому я был усланный со двора.

Опосля этого мы получили стоянку в городе в Новороссийском. За этот город можно рассказать, что за ним никакой суши больше нет, а одна вода, Черное море, и мы там оставались до самого мая, когда выступили на польский фронт и треплем шляхту почем зря...

Остаюсь ваш любезный сын Василий Тимофеич Курдюков. Мамка, доглядайте до Степки, и Бог вас не оставит».

Вот письмо Курдюкова, ни в одном слове не измененное. Когда я кончил, он взял исписанный листок и спрятал его за пазуху, на голое тело.

— Курдюков, — спросил я мальчика, — злой у тебя был отец?

— Отец у меня был кобель, — ответил он угрюмо.

— А мать лучше?

— Мать подходящая. Если желаешь — вот наша фамилия...

Он протянул мне сломанную фотографию. На ней был изображен Тимофей Курдюков, плечистый стражник в форменном картузе и с расчесанной бородой, недвижный, скуластый, с сверкающим взглядом бесцветных и бессмысленных глаз. Рядом с ним, в бамбуковом креслице, мерцала крохотная крестьянка в выпущенной кофте, с чахлыми светлыми и застенчивыми чертами лица. А у стены, у этого жалкого провинциального фотографического фона с цветами и голубями, высились два парня — чудовищно огромные, тупые, широколицые, лупоглазые, застывшие, как на ученье, два брата Курдюковых — Федор и Семен.

Начальник конзапаса

На деревне стон стоит. Конница травит хлеб и меняет лошадей. Взамен приставших кляч кавалеристы забирают рабочую скотину. Бранить тут некого. Без лошади нет армии.

Но крестьянам не легче от этого сознания. Крестьяне неотступно толпятся у здания штаба.

Они тащут на веревках упирающихся, скользящих от слабости одров. Лишенные кормильцев, мужики — чувствуя в себе прилив горькой храбрости и зная, что храбрости ненадолго хватит, — спешат, безо всякой надежды, надерзить начальству, Богу и своей жалкой доле.

Начальник штаба Ж. в полной форме стоит на крыльце. Прикрыв воспаленные веки, он с видимым вниманием слушает мужичьи жалобы. Но внимание его не более как прием. Как и всякий вышколенный и переутомившийся работник, он умеет в пустые минуты существования полностью прекратить мозговую работу. В эти немногие минуты коровьего блаженного бессмыслия начальник нашего штаба встряхивает изношенную машину.

Так и на этот раз с мужиками.

Под успокоительный аккомпанемент их бессвязного и отчаянного гула Ж. следит со стороны за той мягкой толкотней в мозгу, которая предвещает чистоту и энергию мысли. Дождавшись нужного перебоя, он ухватывает последнюю мужичью слезу, начальственно огрызается и уходит к себе в штаб работать.

На этот раз и огрызнуться не пришлось. На огненном своем англо-арабе подскакал к крыльцу Дьяков, бывший цирковой атлет, а ныне начальник конского запаса — краснокожий, седоусый, в черном плаще и с серебряными лампасами вдоль красных шаровар.

— Честным стервам игуменье благословенье, — прокричал он, осаживая коня на карьере, и в то же мгновение к нему под стремя подвалилась облезлая лошаденка, одна из обмененных казаками.

— Вон, товарищ начальник, — завопил мужик, хлопая себя по штанам, — вон чего ваш брат дает нашему брату... Видал, чего дают? Хозяйствуй на ей...